

На правах рукописи

Пислегин Николай Викторович

**ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО УДМУРТИИ
В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Специальность 07. 00. 02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск 2005

Работа выполнена в Удмуртском институте истории, языка и литературы
УрО РАН

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Гришкина Маргарита Владимировна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Бердинских Виктор Аркадьевич

кандидат исторических наук, доцент
Логинова Ирина Владимировна

Ведущее учреждение: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имени В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл

Защита состоится ____ июня 2005 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д212.275.01 в ГОУВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус II, ауд. _____

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУВПО «Удмуртский государственный университет» (426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус II)

Автореферат разослан «__» _____ 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

Г.Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Одним из заметных явлений в отечественной исторической науке постсоветского периода стало обращение к крестьяноведению. Издаются работы, освещающие как общетеоретические вопросы эволюции крестьянского общества, так и специфику отдельных исторических эпох и регионов. На этом фоне естественным выглядит обращение к проблемам власти и крестьянства Удмуртии. В российском обществе, ставшем городским только во второй половине XX в., еще долго будет прослеживаться его крестьянское прошлое. Несмотря на то, что современное сельское население, несомненно, отличается от традиционного крестьянства, знакомство с повседневной практикой взаимодействия с государством, а также с опытом реформаторской деятельности власти в аграрной сфере на различных исторических этапах может быть полезным и сегодня.

Проблема взаимоотношений крестьянства и власти традиционно является одной из фундаментальных в исторической науке. Власть и крестьянство являлись двумя взаимовлияющими силами. Существенное влияние на все стороны жизни крестьянства оказывали проводимые государством преобразования. В свою очередь, крестьянство, его платежеспособность определяли уровень развития государственного организма и общественно-политической системы в целом. Государство, вынужденное использовать органы самоуправления крестьянства, не только преобразовывало их под свои, в первую очередь, фискально-полицейские интересы, но и само испытывало глубокое влияние с их стороны.

Конец XVIII – первая половина XIX в. занимают особое место в истории России и Удмуртии. В «удмуртских» уездах Вятской губернии преобладающим становится русское население, резко активизируется оформление этнической чересполосицы; развитие товарно-денежных отношений, имущественное и социальное расслоение в будущем могли привести к смене социально-экономического строя. В результате политики правительства экстенсивный путь развития аграрной экономики, обеспечивавший существование крестьянства, начинает давать сбои, выразившиеся в падении урожайности полей, нарастании земельного голода, сдерживании крестьянских инициатив. На конец XVIII – первую половину XIX в. приходится преобразование, в ходе которых ярко проявлялись особенности взаимоотношений крестьянства и власти.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются власть и крестьянство Удмуртии в конце XVIII – первой половине XIX в. Основным представителем власти необходимо считать государство, чиновничье-бюрократический аппарат и общинные органы, включенные в систему государственного управления. Следует отметить, что администрации удела и казенных заводов принадлежали к государственным органам управления, а вотчинная администрация в конечном счете выполняла поручения государства (сбор налогов, контроль за выполнением повинностей и т.д.). Предметом исследования являются основные категории крестьянства Удмуртии (государственные, удельные, помещичьи крестьяне, непременные работники, лашманы и тептяри), общинные органы самоуправления, их взаимоотношения с центральными и ме-

стными органами управления деревней, основные направления воздействия государства на крестьян и реакция последних на политику власти.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XVIII в. до 1861-1866 гг. Нижняя хронологическая грань связана с началом переустройства казенной, дворцовой и приписной деревни, жители которой составляли подавляющее большинство крестьянского населения края. Верхняя – с реформами крестьянства 1860-х гг., начиная с отмены крепостного права (1861 г.) и заканчивая преобразованием 1866 г. в государственной деревне.

Территориальные границы работы определяются Глазовским, Елабужским, Малмыжским и Сарапульским уездами Вятской губернии, которые в историографической традиции принято условно соотносить с современной территорией Удмуртии.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема взаимоотношений власти и крестьянства поднималась еще в работах дореволюционных историков. Систематическое изучение крестьянства России конца XVIII – первой половины XIX в., его взаимоотношений с властью началось в последней четверти XIX – начале XX в. Историки народнического направления уделяли внимание крестьянству и ранее, в то время как представители традиционной официально-охранительной и либеральной историографии концентрировались на изучении деятельности правительственных органов и церкви.

В дореволюционной историографии по широте и глубине постановки проблемы выделяются работы В.И. Семевского¹. Например, он впервые использовал материалы ревизий и экономические примечания к генеральному межеванию для определения земельной обеспеченности крестьян. В региональной историографии дооктябрьского периода особо следует отметить юбилейное издание Вятского статистического комитета, в котором можно найти разнообразный фактический и аналитический материал по истории, экономике, административному управлению, материальной и духовной культуре крестьянского края². Демографические исследования Н.Н. Романова не потеряли своей актуальности и в наши дни, более того, они, пожалуй, остаются наиболее детальными и значимыми в исследовании крестьянских переселений, динамики роста сельского населения, его этнического состава³. Много интересных работ вятских историков было опубликовано Вятской архивной комиссией. Правда, периоду конца XVIII – первой половины XIX в. здесь не уделялось достаточного внимания, из значимых работ можно отметить статью П.Н. Луппова, посвященную волнениям неперенных работников в 1807-1808 гг.⁴

П.Н. Луппову в региональной историографии (как дореволюционной, так и 1920-1940-х гг.) принадлежит особенное место. Именно его можно назвать первым крупным исследователем истории Удмуртии и удмуртского народа. В ра-

¹ Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. В 2-х тт. СПб., 1888.

² Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Вятка, 1880. Т.1. Вятка, 1881. Т.2.

³ Романов Н.Н. Переселения крестьян Вятской губернии. Вятка, 1880.; его же. Статистический очерк постепенного увеличения населения всех уездов Вятской губернии в последнее столетие. // Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.739-818.

⁴ Луппов П.Н. Волнения вотяков Вятской губернии по поводу прикрепления их к горным заводам в 1807-1808 гг. // Труды ВУАК. 1909. Вып.2-3. Отд.3. С.103-115.

ботах историка о формах и методах распространения христианства среди удмуртов содержатся данные о жалобах крестьян во время проводившихся в Вятской губернии сенаторских ревизий, охарактеризована община, прослежена этно-конфессиональная политика власти и т.д.⁵

Большой вклад в разработку проблемы внесли историки-этнографы рубежа XIX – XX вв. И.Н. Смирнов, Г.Е. Верещагин, Н.Н. Блинов и др., много внимания уделившие характеристике удмуртской общины. Статью Г.Е. Верещагина⁶ В.Е. Майер назвал «единственным полным и многосторонним описанием общинного землевладения и общинной традиции удмуртов»⁷. Верещагиным описаны история, функции общины, условия и принципы ее существования, механизмы саморегуляции и факторы живучести. Думается, в силу консервативности общины и аграрной системы в целом, данные Г.Е. Верещагина по крестьянской общине конца XIX в. вполне применимы и к первой половине века.

Следует отметить, что дореволюционные историки не выделяли отдельно в качестве объекта изучения крестьянство Удмуртии. Четыре «удмуртских» уезда Вятской губернии, разумеется, могли рассматриваться только как ее часть. Впрочем, и сегодня сложно изучать историю Удмуртии вне контекста Севера России и Урало-Поволжья. Сложившееся в историографии выделение территории четырех уездов для рассматриваемого периода носит условный характер.

Общероссийская и, вслед за ней, местная историография большее внимание уделяла изучению государственного начала. Вместе с тем был накоплен значительный фактический материал, рассмотрены основные направления взаимоотношений власти с крестьянами.

После Октября 1917 г. исследователи преимущественное внимание начинают уделять истории народных масс, в том числе и крестьянства. В частности, эта работа осуществляется созданным в 1931 г. Удмуртским научно-исследовательским институтом. Историки 20–30-х гг. преувеличивали размах борьбы удмуртского крестьянства, его участие в восстаниях и крестьянских войнах, социальное расслоение удмуртской деревни, стремились показать «интенсивное» развитие капиталистических отношений на территории Удмуртии в целом и в удмуртской общине в частности⁸. Представители удмуртской интеллигенции П.В. Кильдибеков, Ф.П. Макаров, К.П. Герд и другие в 1920-х – начале 1930-х гг., занимаясь историей Удмуртии, в частности показывали отсутствие развитых товарно-денежных отношений и поляризации деревни⁹. В 30-е гг. они были «разоблачены» как «буржуазные националисты», «троцкистские перерожденцы» и т.п. Попытки формирующейся региональной исторической науки показать особенности удмуртской общины, отсутствие в ней непримиримых

⁵ Его же. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911; его же. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб., 1899.

⁶ Верещагин Г.Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда. // Собрание сочинений: В 6 т. Ижевск, 1997. Т.3. Кн.1. С.63-122.

⁷ Майер В.Е. Важный источник по истории соседской общины Удмуртии. // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Сб. статей. Ижевск, 1981. С.39.

⁸ Гришкина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма. Ижевск, 1994. С.12, 13.

⁹ Кильдибеков П.В., Макаров Ф.П. История классовой борьбы в Удмуртии. Ижевск, 1933; Макаров Ф.П. Феодално-крепостнические отношения и классовая борьба в Удмуртии в XIX в. Ижевск, 1935.

классовых противоречий, замедленные темпы ее разложения были квалифицированы как проявление буржуазного национализма.

Однако нельзя говорить о полном разгроме и утрате накопленного. Например, Н.Н. Латышев в своей монографии продолжает традицию рассмотрения политики российской власти в Удмуртии как колонизаторской¹⁰. Достоинством этой работы является насыщенность разнообразным конкретным материалом, добытым в архивах, правда применение его было выборочным: исследователь стремился доказать «возникновение товарно-капиталистических отношений и процессы расслоения среди удмуртского крестьянства»¹¹.

Значительный вклад в исследование вопросов социального протеста внесла предвоенная монография С.В. Токарева, посвященная проблеме крестьянских картофельных бунтов, прокатившихся по стране в 30-40-е гг. XIX в.¹²

После Великой Отечественной войны в работах историков Удмуртии расширился круг рассматриваемых вопросов истории крестьянства. Этому способствовало создание фундаментальных трудов общероссийского плана и в рамках крупных историко-географических регионов. Здесь можно назвать исследования А.С. Череваня, П.А. Колесникова, Л.В. Милова и др.¹³ Общие тенденции аграрного социально-экономического развития первой половины XIX в. в рамках становления, развития и кризиса феодально-крепостнической формации в России освещены в обобщающем труде В.И. Буганова, А.А. Преображенского и Ю.А. Тихонова¹⁴. Эта работа, вобравшая в себя наиболее значимые достижения советской исторической науки, думается, убедительно указывает на необходимость диалектико-формационного подхода к рассмотрению важнейших аспектов истории в целом и истории крестьянства, в частности.

История аграрных отношений в государственной деревне (а именно к этой категории принадлежало подавляющее большинство крестьянства Удмуртии) нашла полное и всестороннее отражение в двухтомной монографии Н.М. Дружинина¹⁵. Аргументируя проблематику своего исследования, он выявил взаимоотношения между государственной властью и крестьянами (перспектива «крестьянской революции» и рост значения в условиях развития товарно-денежных отношений «планомерной эксплуатации государственных имуществ»), а также обратил внимание на историческую связь между реформой государственных крестьян 1837-1841 гг. и реформой 1861 г.

Податная политика самодержавия в конце XVIII – начале XIX в. исчерпывающе освещена в труде В.И. Неупокоева¹⁶. Им отмечено усиленное развитие сословно-податного начала в общественном строе страны, в чем исследователь видел «ответ феодально-абсолютистского государства на уже далеко зашедший

¹⁰ Латышев Н.Н. Удмурты накануне реформы 1861 г. Ижевск, 1939.

¹¹ Цит. по: Латышев Н.Н. Указ. соч. С.1.

¹² Токарев С.В. Крестьянские картофельные бунты. Киров, 1939.

¹³ Черевань А.С. Формирование сословия государственных крестьян на Урале и Европейском Севере. Петрозаводск, 1960; Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976; Милов Л.В. Исследования об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965.

¹⁴ Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. М., 1980.

¹⁵ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М., Л., 1946. Т.1. М., 1958. Т.2.

¹⁶ Неупокоев В.И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX в. М., 1987.

процесс распада... «классических» форм феодального хозяйства и соответствующих им общественных связей»¹⁷. Исследования Н.П. Ерошкина и П.А. Зайончковского, посвященные развитию органов государственной власти, раскрывают и некоторые проблемы их взаимоотношений с крестьянством¹⁸. Изыскания В.М. Кабузана внесли значимый вклад в выявление общей численности, этнического состава и размещения населения России XVIII – первой половины XIX вв.¹⁹

Монография П.А. Колесникова, осветившая процессы заселения и освоения европейского севера России, развития аграрной культуры и производства, имущественного и социального положения различных категорий северных крестьян за период XV – первой половины XIX вв., охватила своими наблюдениями и русскую деревню Вятского края, введя в научный оборот огромный, до этого мало используемый материал²⁰. Заслуживает внимания разработанная им классификация крестьянского землевладения и землепользования.

Определенное место история Удмуртии, ее крестьянства, взаимоотношений с властью нашла отражение в обобщающих изданиях, вышедших в свет в конце 80-х – начале 90-х гг. В них получили освещение политика государства по отношению к крестьянству и ответная реакция на нее, классовая борьба крестьянства, а также некоторые аспекты аграрных отношений в Удмуртии²¹. Советские историки в своих исследованиях справедливо отмечали негативную роль генерального межевания, приведшего к падению рентабельности трехполья, сочетавшегося с подсекой и перелогом. Можно отметить выросший уровень разработанности проблем аграрного развития. Публикуемые исследования целого ряда ученых отличаются полнотой освещения вопросов как общего развития крестьянства России, так и отдельных регионов и хозяйственных отраслей.

Крестьянство Удмуртии конца XVIII – первой половины XIX в. – крестьянство общинное, поэтому актуально обращение к системе крестьянского самоуправления. В советской историографии недостаточная изученность этой проблемы вырисовалась в середине 1960-х гг. в ходе очередной дискуссии об азиатском способе производства*, которая затем перекинулась на русскую общину. Среди российских историков-аграрников давно шли споры о происхождении общины: издавна ли она существовала или это новообразование крепостничества? В основе старых споров лежала трактовка общины как поземельной организации. В результате же дискуссии община стала пониматься глубже – не только как поземельная (и шире – социально-экономическая) организация, но и как организация местного самоуправления, сохранявшая демократические на-

¹⁷ Цит. по: Неупокоев В.И. Указ. соч. С.3.

¹⁸ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983; его же. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800-1860 гг.). М., 1985 (1986); Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

¹⁹ Кабузан В.М. Изменения в размещении населения в России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971; его же. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. М., 1992.

²⁰ Колесников П.А. Указ. соч.

²¹ История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989; История крестьянства СССР. М., 1990; История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. Т.3; История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т.1; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.

* Первая дискуссия, затрагивавшая проблему «азиатского способа производства», проходила в 1930-е гг.

чала, даже будучи интегрированной в систему государственного управления. К таким выводам историков власть предрержащие не были готовы, поэтому уже в начале 1970-х гг. дискуссия в приказном порядке была прекращена²². В целом общие выводы этой дискуссии могут быть применимы к общине Удмуртии. Сохраняют также свое значение труды В.А. Александрова, посвященные крестьянской общине XVII – начала XIX вв. – органу самоуправления и низшей административно-управленческой ячейке власти²³. Вопросы крестьянского самоуправления, административно-фискальной роли общины, ее функций «противовеса» господствующей политической организации нашли отражение в работах М.М. Громыко, В.В. Рабцевич и Н.А. Миненко²⁴.

С рубежа 1980 – 1990-х гг. в освещении истории крестьянства начинается новый этап, характеризующийся ревизией ряда основополагающих марксистских схем рассмотрения проблемы. Наиболее изученными для советского периода отечественной историографии можно считать вопросы открытого противостояния крестьянства «эксплуататорам», которое зачастую явно преувеличивалось. Большую роль в пересмотре позиций сыграл теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития», материалы которого публиковались на страницах журнала «Отечественная история»²⁵. Здесь историки-аграрники обсуждали исследования западных ученых, применимость положений «этики существования» Дж. Скотта, «этики праздности» Р. Сиви, принципа «эпистемиологической двойственности» крестьянства Р. Редфилда и др. к изучению дореволюционного российского крестьянства²⁶. Следует отметить, что советская историография знакомилась с основными направлениями западной социантропологии и крестьяноведения еще с начала 1980-х гг. Однако в основном это знакомство сводилось к критике построений зарубежных исследователей²⁷. Теперь же началось плодотворное восприятие и использование зарубежного опыта. Так, «климатическую» теорию Л.В. Милова, развиваемую им в 1990-е гг.^{*}, можно предположить, предвосхитили не только построения отечественных историков, начиная с В.О. Ключевского, но и размышления американского исследователя Р. Пайпса, увидевшего корни советского тоталитаризма в предыдущем развитии российского государства и общества, обусловленном земледелием в неблагоприятных природных условиях²⁸.

²² Современные концепции аграрного развития. // Отечественная история. 1994. №6. С.3-5.

²³ Александров В.А. Обычное право в крепостной деревне России XVIII – начала XIX в. М., 1984; его же. Сельская община в России. (XVII – начало XIX вв.). М., 1976.

²⁴ Громыко М.М. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX в.). // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977. С.33-103; Рабцевич В.В. Крестьянская община в системе местного управления Западной Сибири (1775-1825 гг.). // Там же. С.126-150; Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск, 1991.

²⁵ Современные концепции аграрного развития. // Отечественная история. 1994. №2. С.31-59. №4-5. С.46-78. №6. С.3-32. 1995. №4. С.3-33; Бабашкин В.В. Современные концепции аграрного развития: семинар продолжается. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1999. С. 280-288.

²⁶ См.: Современные концепции аграрного развития. // Отечественная история. 1992. №5; 1995. №4; 1994. №6.

²⁷ Традиционное общество и мировая экономика: критика теорий модернизации. Сб. обзоров. М., 1981; Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Реферативный сборник. М., 1986. Вып.1.

^{*} Согласно этой теории весь исторический путь, пройденный Российским государством, в конечном счете был определен неблагоприятными условиями для сельского хозяйства, которые «закалили» великорусский народ

²⁸ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

Важным достижением работ зарубежных исследователей о России, русском государстве, обществе и его части – крестьянстве следует считать обращение к этим вопросам в рамках значительных исторических периодов. Это позволяет, правда, довольно поверхностно проследить основные изменения этно-конфессиональной, имущественной, социально-политической ситуации, отметить существенные стороны политики правительства и реакцию на них подданных на различных временных отрезках²⁹.

Еще одним позитивным явлением нового периода стало обращение к трудам основателей крестьяноведения – отечественным ученым первой трети XX в. Н.Д. Кондратьеву, А.В. Чаянову, Д.Н. Челинцеву и др. С конца 1980-х гг. в России крестьяноведение возрождается как самостоятельная отрасль исторической науки, использующая достижения экономики, социоантропологии, этнографии. В 1990-е – начале 2000-х гг. появился ряд изданий, служащих своего рода энциклопедиями современного крестьяноведения³⁰.

В свете современных концепций истории крестьянства В.П. Данилов, Л.В. Данилова, Л.В. Милов, А.В. Гордон, В.В. Бабашкин, В.А. Бердинских, В.П. Агафонов, О.Н. Полухин и др. размышляют о проблемах голода, дуализма сельской соседской общины, аграрных традициях и новациях, менталитете крестьянства и т.д.³¹ Б.Н. Миронов в своем эпохальном труде значительное внимание уделяет проблеме крестьянства и власти³². В частности, следует отметить его данные о социально-демографическом составе крестьянства и влиянии на него государства, выделенные им признаки, при наличии которых можно судить о действительном самоуправлении, наблюдения о месте и роли представителей органов самоуправления.

Из работ, непосредственно касающихся крестьянства Вятского края и Удмуртии как его составной части, необходимо отметить исследования А.В. Эммаусского по социально-экономическому и политическому развитию края в целом и труды Б.Г. Плющевского, посвященные вопросам социально-экономической истории Удмуртии и хозяйственному развитию вятской государственной деревни в первой половине XIX в.³³ Последний отмечает проник-

²⁹ См., например: Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000; Пайпс Р. Указ. соч.; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552-1917). Смоленск, 2000.

³⁰ Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992; Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996; Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002.

³¹ Гордон А.В. Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. С.57-74; Данилова Л.В. Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия. // Административные реформы в России в XVIII-XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. М., 1990. С.40-92; Полухин О.Н. Таинственный путь гражданственности: крестьянское наследие. Белгород, 2000; Бабашкин В.В. Крестьянский менталитет: наследие России царской и России коммунистической. // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С.99-110; Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001; Вилков А.А. Менталитет крестьянства и российский политический процесс. Саратов, 1997; Крестьянство в исторической судьбе России. М., 2001.

³² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). В 2-х тт. СПб., 2000.

³³ Эммаусский А.В. История Вятского края в XII – середине XIX века. Киров, 1996; Плющевский Б.Г. Государственные крестьяне Вятской губернии в первой половине и середине XIX в. // Записки УдНИИ. Ижевск, 1955. Вып.17. С.128-160; его же. К вопросу о социально-экономическом развитии Удмуртии в последние предреформенные десятилетия. // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Сб. статей. Ижевск, 1981. С.3-35.

новение товарно-денежных отношений в натуральное в своей основе хозяйство государственных крестьян, «известную роль внеземледельческих приработков». Необходимо отметить книгу А.А. Александрова, посвященную истории Ижевского завода, в которой он уделяет значительное внимание такой крупной категории крестьянства, как непрременные работники³⁴.

Процессы капитализации деревни, социального расслоения крестьянства, классовой борьбы, аграрных отношений в Вятской губернии и на территории «удмуртских» уездов во второй половине XIX – начале XX в. получили детальное отражение в трудах А.А. Александрова, А.Н. Вахрушева, М.М. Мартыновой, М.А. Садакова, Н.П. Лигенко³⁵. Конфессиональная политика государства по отношению к крестьянам Удмуртии изучалась Ю.М. Ивониным³⁶.

Значительное освещение проблема крестьянства и власти в Удмуртии конца XV – первой половины XIX в. получила в исследованиях М.В. Гришкиной, опиравшейся на максимальный спектр предыдущих работ и широкий круг источников³⁷. Она является автором соответствующих разделов коллективной монографии по истории Удмуртии, вышедшей в 2004 г. В них в сочетании традиционного изложения материала и современных теорий крестьяноведения систематизированы и обобщены знания о крестьянском населении, землевладении и землепользовании, раскрыты основные направления административной и этно-конфессиональной политики государства по отношению к удмуртскому крестьянству, уделено внимание роли традиций и инноваций в хозяйстве сельского населения края, влиянию на них со стороны органов власти³⁸.

К постсоветскому периоду относятся региональные исследования И.С. Гареева, Н.А. Миненко, В.Е. Мусихина, Г.А. Никитиной, Г.И. Обуховой, И.В. Чемоданова, Р.Б. Шайхисламова, Л.А. Тоймасова и других ученых, чьи работы посвящены различным вопросам истории крестьянства Урало-Поволжья и Сибири, таким как взаимоотношения нерусского крестьянства со светской и духовной властью, характерные черты местной общины, в частности, особенности удмуртской общины – бускель, земельные отношения, отношение крестьян к местной бюрократии, особенности различных крестьянских категорий и т.д.³⁹ Изыскания Л.В. Мерзляковой впервые дают подробный соци-

³⁴ Александров А.А. Ижевский завод. Ижевск, 1957.

³⁵ Александров А.А. Буржуазные реформы 60-70-х гг. XIX в. // Очерки истории Удмуртии XIX в. Материалы по истории Удмуртии. Ижевск, 1996. Вып.3. С.82-140; Вахрушев А.Н. Социально-экономическое положение крестьян Удмуртии в пореформенное время и развитие капиталистического производства в деревне. // Там же. С.141-157; Мартынова М.М. Аграрные отношения в Вятской губернии в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Свердловск, 1970. 21 с.; ее же. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века. // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX вв. Ижевск, 1981. С.3-44; Садаков М.А. Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма (конец XIX в. – до октября 1917 г.). // Вопросы истории Удмуртии. Ижевск: УдНИИ, 1974. Вып.2. С.91-196; Лигенко Н.П. Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60–90-е гг. XIX в.). Ижевск, 1991.

³⁶ Ивонин Ю.М. Христианство в Удмуртии: История и современность. Ижевск, 1987.

³⁷ Гришкина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма. Ижевск, 1994; ее же. Удмурты: Этюды из истории IX – XIX вв. Ижевск, 1994; ее же. Аграрный строй и крестьянство Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Екатеринбург, 1995; ее же. The Evolution of the State Policy as Regards the Udmurts in the 17th Century and up till about 1850. // KVNAA Konferenser. Stockholm, 1997. P.95-100.

³⁸ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004.

³⁹ Гареев И.С. Марийские крестьяне Прикамья и Приуралья в XVIII – первой половине XIX века: Дис... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 1999; Миненко Н.А. Отношение государственных крестьян Урала и Западной Сибири к

ально-политический портрет вятского чиновничества первой половины XIX в., основного проводника политики государственной власти на местах, диссертационные работы Е.М. Берестовой и А.М. Субботиной раскрывают ранее мало затрагиваемые проблемы социально-просветительской деятельности православной церкви и земства во второй половине XIX в. в Удмуртии⁴⁰. Некоторые аспекты взаимоотношений власти с крестьянством Удмуртии в рамках изучения земледельческой и религиозной культуры удмуртского народа отражены в монографиях историко-этнографического характера Л.А. Волковой и В.Е. Владыкина⁴¹. Особо следует отметить труды Н.С. Половинкина и П.П. Котова, посвященные удельным крестьянам Среднего Поволжья, Приуралья и Севера, Р.Р. Хайрутдинова по управлению государственной деревней Казанской губернии накануне реформы 1837-1841 гг., С.С. Смирнова, в числе прочего касающегося непрременных работников Камских заводов⁴². Данные исследования в значительной степени продолжают придерживаться формационного подхода, углубляя и дополняя его современными представлениями о крестьянстве и особенностях политического и социально-экономического строя Российского государства и общества на различных исторических этапах.

Необходимо отметить, что специальной работы по проблеме власти и крестьянства Удмуртии конца XVIII – первой половины XIX в. нет. В удмуртской историографии большее внимание уделялось пореформенному крестьянству. Существующие работы в основном рассматривают социально-экономическое развитие деревни интересующего нас периода, в основном изучая по отдельности различные категории крестьянства, отсутствует целостное представление о всей совокупности многообразного предреформенного крестьянства Удмуртии, его взаимоотношениях с властью. Было бы в корне неверно отказываться от теоретико-фактического наследия предшествующей историографии, вместе с тем его нужно дополнять современными аграрными историческими концепциями. Следует восполнить наши знания о наиболее значимых сторонах взаимоотношений удмуртского крестьянина с государством.

местной бюрократии в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С.43-52; Мусихин В.Е. Вятская деревня: история и современность. Киров, 1996; Никитина Г.А. Сельская община-бускель в пореформенный период (1861-1900 гг.). Ижевск, 1993; Обухова Г.И. Участие зажиточного крестьянства в подрядах на поставку продовольствия Камско-Воткинскому заводу в первой половине XIX в. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2000. С.63-67; Чемоданов И.В. Земельные угодья вятских крестьян в середине XIX в. // Актуальные проблемы истории: Сб. науч. статей. Киров, 2001. С.24-50; Шайхисламов Р.Б. Население государственной деревни дореформенной Башкирии. Уфа, 1994; Тоймасов Л.А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары, 2004.

⁴⁰ Мерзлякова Л.В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX в. (Опыт социально-политической характеристики). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 1997; ее же. Из истории формирования государственного аппарата Вятской губернии в первой половине XIX в. // Очерки истории Удмуртии XIX в. Ижевск, 1996. С.9-31; Берестова Е.М. Социально-культурная деятельность православной церкви в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2002; Субботина А.М. Земство в Удмуртии (1867-1918 гг.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2000.

⁴¹ Волкова Л.А. Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX – начало XX века). Ижевск, 2003; Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира у удмуртов. Ижевск, 1994.

⁴² Половинкин Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX вв. Тюмень, 1996; Котов П.П. Удельные крестьяне Севера, 1797-1863 гг. Сыктывкар, 1991; Хайрутдинов Р.Р. Управление государственной деревней Казанской губернии (конец XVIII – первая треть XIX в.). Казань, 2002; Смирнов С.С. Приписные крестьяне Урала в XVIII – начале XIX в.: Дисс... д-ра ист. наук. Челябинск, 1995.

Цель и задачи исследования. Целью диссертации является комплексное изучение основных сторон взаимоотношений власти и крестьянства Удмуртии в конце XVIII – первой половине XIX в.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- проследить развитие основных характеристик (численность, сословная структура, этно-конфессиональная принадлежность) крестьянского населения;
- раскрыть особенности административно-территориального деления в их динамике, развитие органов государственного управления крестьянством;
- выявить ключевые функции органов крестьянского самоуправления, их эволюцию и положение в структуре власти;
- рассмотреть совокупность крестьянских податей, сборов и повинностей;
- изучить проявления патерналистской политики государства по отношению к крестьянству;
- исследовать наиболее важные земельные преобразования и их значение для отдельных категорий крестьянства и правящих групп;
- проанализировать этно-конфессиональную политику власти по отношению к нерусскому крестьянству;
- выявить и систематизировать факты проявления крестьянского недовольства, определить их основные причины и последствия.

Методологическая основа. В методологическом плане настоящее диссертационное исследование исходит из принципов системности, детерминизма, объективности и историзма в оценке взаимоотношений крестьянства и власти в их многообразии. Данные принципы подразумевают многофакторный подход в оценке событий и явлений, включение в сферу исследования совокупности экономических, социальных, политических, правовых, культурных аспектов истории взаимоотношений государства и крестьянства на основе привлечения широкого круга разнотипных источников. Основной методологической системой в изучении темы можно считать формационный подход в сочетании с некоторой цивилизационной спецификой объекта и предмета исследования и общего для всего традиционного крестьянства восприятия власти как составной части мировосприятия и адекватного реагирования. В работе использованы специально-исторические и общенаучные методы в их комплексе: сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-системный, социометрический, статический, динамический, дедукции и индукции, анализа и синтеза. Удельный вес каждого определяется исследовательскими задачами, а также характером источниковой базы.

Источниковую базу исследования составляет комплекс опубликованных и неопубликованных источников. К первой группе относятся законодательные акты, справочно-статистические издания и материалы периодической печати, ко второй – архивные документы. Необходимые сведения по проблеме крестьянства и власти содержат опубликованные источники. Среди них следует выделить законодательные акты первой половины XIX в. – Свод законов Российской империи и обзор «узаконений, правил и прочих сведений» по государст-

венному межеванию. Законодательству рассматриваемого периода посвящен шестой том современного издания документов российского права X-XX вв.⁴³

В 1992 г. вышел сборник документов и материалов, подготовленный Н.С. Половинкиным, который был посвящен дворцовой (удельной) деревне Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XVI – первой половине XIX вв.⁴⁴ Важным источником являются работы, изданные в интересующее нас время. Они содержат не только любопытные фактические данные, но зачастую и оценки их современниками⁴⁵. В 2000 г. изданы сразу две большие книги справочного характера – это «Энциклопедия» и «Справочник-указатель» по православным храмам Удмуртии⁴⁶. Они значительно облегчили поиск источникового материала, а также сами послужили таковым. Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии в 1917-1991 гг. содержит некоторую информацию о дооктябрьском этапе истории края⁴⁷.

Среди периодических изданий, материалы которых послужили источником для написания исследования, необходимо отметить «Вятские губернские ведомости» (с 1838 г.). По этой газете можно проследить перемещения чиновников, основные постановления губернской и центральной власти, здесь публиковались объявления о проводимых торгах на сдачу в аренду оброчных статей, расписания земских повинностей на трехлетия и т.д. В ее «неофициальной части» выпускались статьи, описывающие уезды губернии, быт и обычаи проживающих в них народов, существенное внимание уделялось публикации полезных советов для крестьянского хозяйства⁴⁸. В «Вятских епархиальных ведомостях» и «Календарях и памятных книжках Вятской губернии», издававшихся уже в пореформенную эпоху, печатались статьи, затрагивавшие события дореформенного периода⁴⁹.

Важнейшим источником, без которого создание целостной картины взаимоотношений власти и крестьянства в конце XVIII – первой половине XIX в. невозможно, являются использованные в исследовании архивные материалы. Это фонды Российского государственного архива древних актов (г. Москва), Российского государственного исторического архива (г. С.-Петербург), Государственного архива Кировской области (г. Киров), Центрального государственного архива Удмуртской республики (г. Ижевск) и Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук (г. Ижевск).

⁴³ Свод законов Российской империи. Изд. 1842 г. СПб., 1842; Ермаков Н.А. О государственном межевании в России. Полный обзор узаконений, правил и всех прочих сведений. М., 1854; Российское законодательство X – XX вв. Т.6. Законодательство первой половины XIX в. М., 1988.

⁴⁴ Половинкин Н.С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX в.): Сборник материалов и документов по спецкурсу и спецсеминару. Тюмень, 1992.

⁴⁵ См., например: Выписка наставлений и приказаний, данных гг. сенаторами при осмотре Вятской губернии в марте 1800 г. Вятка, 1800; Вятская история с подробным описанием иерархии и нынешнего состояния г. Вятки и губернии Вятской. Учиненная в 1825 г. Рукопись. Вятка, 1830.

⁴⁶ Православные храмы Удмуртии: Справочник-указатель по документам Центрального госархива Удмуртской Республики. Ижевск, 2000; Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000.

⁴⁷ Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917 – 1991 гг. Ижевск, 1995.

⁴⁸ ВГВ. 1838-1859 гг.

⁴⁹ См., например: Вятские епархиальные ведомости. 1879. № 20; Календари и памятные книжки Вятской губернии на 1857, 1860, 1870, 1873, 1894, 1912 гг.

Значительным фактическим материалом, касающимся различных сторон управления основным податным сословием, обладают фонды центральных государственных учреждений дореволюционной России, которые хранятся в Российском государственном историческом архиве. Привлечены источники Первого департамента Министерства государственных имуществ, департамента земледелия Министерства земледелия и Главного управления уделов, а также, в меньшей степени, дела департамента государственных имуществ Министерства финансов, горного департамента Министерства торговли и промышленности, Комитета министров, Департамента полиции исполнительной, I департамента Сената и Министерства юстиции⁵⁰.

В Российском государственном архиве древних актов изучались важные документы, касающиеся проведения генерального и специального межеваний в Вятской губернии, а также готовые планы обмежеванных участков⁵¹. Можно отметить доклад о внутреннем состоянии России на рубеже XVIII-XIX вв., в котором имеются материалы о ревизиях Вятской губернии 1802 и 1808 гг.⁵²

Значимым комплексом самого разнообразного материала по рассматриваемой проблеме располагает Государственный архив Кировской области. В фондах губернских учреждений находятся материалы ревизий, отчеты губернаторов и управляющих губернскими органами, крестьянские челобитные, служебная переписка местных, губернских и столичных ведомств⁵³. В этих же фондах содержатся сведения из уездов, волостей и приказов, послужившие основой для бюрократических отчетов и донесений, текущая документация (волостного, уездного и губернского уровней) по повседневному управлению, контролю, сбору налогов, отработке повинностей, сведения о различных происшествиях (эпидемии, преступления, факты неповиновения) и т.д. Уникальные материалы включает фонд Вятского губернского статистического комитета⁵⁴. В частности, в его «описаниях» уездов губернии имеются представительные данные об их населении (численность, сословия и категории, этническая и религиозная принадлежность), населенных пунктах, путях сообщения, основных занятиях жителей, податях, повинностях и сборах, торговле, быте, обычаях и нравах народов, природных условиях и т.д.⁵⁵ Дела, хранящиеся в фонде Мостовинского удельного отделения, представляют собой приговоры сходов удельных крестьян, судящих своих однообщинников. К сожалению, они весьма немногочисленны и отрывочны⁵⁶.

Судебно-следственные дела Глазовского и Сарапульского уездных судов, хранящиеся в Центральном государственном архиве Удмуртской республики, – важный источник по многим сторонам взаимоотношений крестьянства и власти. Особенно отчетливо по ним прослеживаются проявления крестьянского

⁵⁰ РГИА, соответственно: ф.383, 398, 515; ф.379, оп.1, д.1290, ф.37, оп.16, д. 156, ф.1263, оп.1, ж.ст.183, д.978, ф.1286, оп.4, д.306, ф.1341, оп.9, д.1862, ф.1405, оп.39, д.1413.

⁵¹ РГАДА, ф.1306, оп.2; ф.1354, оп.99- Глазовский уезд, оп.103- Малмыжский уезд.

⁵² РГАДА, ф.1292, оп.1, д.207, л.46-46об., 73-75об.

⁵³ ГАКО, ф.582, 583, 575, 176.

⁵⁴ ГАКО, ф.574.

⁵⁵ См., например: ГАКО, ф.574, оп.1, д.12.

⁵⁶ ГАКО, ф.1272.

недовольства, поземельные отношения, практика функционирования органов крестьянского самоуправления⁵⁷. Обыденная работа низшего фискального органа государства, а также сведения о количестве крестьян, разделении их на различные категории, особенностях несения податных обязанностей отражены в фонде Глазовского уездного казначейства⁵⁸. Положение непрременных работников фиксируется в делах фонда Ижевского завода⁵⁹. Деятельность духовной власти на местах, конфессиональная политика и религиозное состояние крестьянства раскрываются в делах Сарапульского духовного правления⁶⁰. Отдельно можно отметить одно дело, также хранящееся в государственном архиве Удмуртии, которое представляет собой выдержки из материалов фондов Российского государственного исторического архива⁶¹. Данный источник отражает существенные стороны взаимоотношений крестьянства и власти в Удмуртии, в первую очередь, фиксирует случаи открытых крестьянских выступлений.

Ряд дел, хранящихся в рукописном фонде Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, являются материалами, собранными и проработанными П.Н. Лупповым и Н.Н. Латышевым в региональных и столичных архивах⁶². Тематика их обширна и разнообразна, но наиболее представлены документы, касающиеся социально-экономического положения непрременных работников Ижевского и Камско-Воткинского казенных заводов, крестьянских выступлений против власти, политики правительства по отношению к нерусскому крестьянству, в частности, в кумышечном вопросе. Некоторые записи ученых являются их размышлениями и выводами.

Научная новизна. Данная диссертация представляет собой комплексное исследование проблемы взаимоотношений власти и крестьянства Удмуртии конца XVIII – первой половины XIX в. Новизна работы состоит в том, что на основе обобщения достижений предшествующей историографии и привлечения широкого круга источников создана относительно целостная картина борьбы и сотрудничества двух наиболее значительных сил отечественной истории на материалах региона, своеобразного в этническом, конфессиональном и сословном составе сельского населения, в его взаимоотношениях с властью. Ряд источников вводится в научный оборот впервые. Исправлены отдельные фактические ошибки, фигурировавшие в предыдущих исследованиях, уточнены некоторые факты истории крестьянства и местных органов управления Удмуртии.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования ее результатов в дальнейших научных исследованиях по проблемам крестьянства и власти, при создании обобщающих и специальных работ, учебных курсов по истории Удмуртии, Вятской губернии, Урало-Поволжья и в целом России первой половины XIX в. Полученные результаты применимы и в смежных дисциплинах, в частности, в политологии, социологии, этнографии.

⁵⁷ ЦГА УР, ф.126, 241.

⁵⁸ ЦГА УР, ф.91.

⁵⁹ ЦГА УР, ф.4.

⁶⁰ ЦГА УР, ф.245.

⁶¹ ЦГА УР, ф.Р-534, оп.1а, д.133.

⁶² НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.5, 8, 9, 24, 32, 45, 60, 63, 464, 468, 469, 673, 946.

Содержащиеся в исследовании обобщения и выводы могут послужить примерами неэффективности излишнего вмешательства власти в жизнь народа, с одной стороны, и необходимости постепенных, а самое главное, обдуманых реформ – с другой.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании отдела истории Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Отдельные результаты исследования были представлены на семи всероссийских, межрегиональных и региональных научно-практических конференциях. Основные положения диссертации изложены в семи публикациях автора.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования: диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и источников, трех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, указываются хронологические и территориальные рамки, характеризуется методологическая основа, дается источниковедческий и историографический обзор, формулируются цель и задачи исследования, определяются степень научной новизны и практическая значимость работы, приводятся сведения о ее апробации.

Первая глава – «Крестьянство и эволюция органов управления деревней в конце XVIII – первой половине XIX в.» В первом параграфе анализируется численность, этно-конфессиональная принадлежность и сословная структура крестьянского населения. Конец XVIII – первая половина XIX в. явились временем, когда сельское население четырех вятских уездов, более 60 % территории которых впоследствии составили современную нам Удмуртию, претерпело серьезные изменения. Население края росло быстрыми темпами за счет интенсивного переселения крестьян из других уездов Вятской губернии и, в меньшей степени, – Пермской. Общая численность жителей с 300 тыс. в конце XVIII в. превысила к 1850 г. 700 тыс. Крестьянство Удмуртии было полиэтнично: в 1850 г. здесь проживали около 300 тысяч русских, свыше 208 тысяч удмуртов, 48,5 тысяч татар, около 7,7 тысяч марийцев, более 5,5 тыс. башкир, около 4,8 тысяч бесермян. Русские, удмурты, марийцы, бесермяне в подавляющем большинстве являлись православными, татары и башкиры исповедовали ислам. Значительное число русских крестьян принадлежали к старообрядцам, многие представители финских народов продолжали придерживаться языческих верований, некоторые татары были православными христианами.

Самой многочисленной категорией крестьянства Удмуртии были государственные (казенные) крестьяне. В сословие вошли черносошные, яшашные, экономические, ланд-милицкие (ланцы) и приписные (до 1807 г.) крестьяне, лашманы, а также служилые татары и бесермяне. Из них только лашманы вплоть до 1865 г. действительно составляли его особую прослойку. Лашманы являлись государственными крестьянами, обязанными осуществлять заготовку леса для военно-морского судостроения. Наиболее важной льготой за выполнение этой работы было освобождение от поставки рекрутов. К лашманам Удмуртии при-

надлежали татары, бесермяне и незначительное число марийцев и удмуртов. В 1850 г. численность государственных крестьян Удмуртии приближалась к 500 тыс., в это число вошло более 21 тыс. лашманов.

Категория удельных крестьян возникла в ходе преобразования дворцовой деревни в конце XVIII в., она являлась общей и неотчуждаемой собственностью членов царской семьи. Удельное крестьянство Удмуртии, проживавшее по берегам р. Камы, в этническом отношении было русским. В конце 1850-х гг. численность удельного населения Удмуртии, превысила 40 тыс. «наличных душ».

Непременные работники – русские и удмурты – являлись вспомогательной рабочей силой Ижевского и Воткинского казенных заводов. Образование этой категории приходится на 1807 г. К 1855 г. непременных работников с их семьями было насчитано более 25 тысяч человек, проживавших в 128 селениях.

Особые военно-служилые категории сельских жителей представляли собой башкиры и тептяри. В этническом отношении последнее сословие являлось очень пестрым, тептярями были татары, марийцы, удмурты и часть башкир. Как податные они вносили душевую подать, несли натуральные повинности и т.д. Как военно-служилое сословие тептяри должны были составлять и содержать за свой счет военно-сторожевые полки. Тептяри Удмуртии проживали в основном в Елабужском уезде, башкиры – в Сарапульском и Елабужском уездах. В середине XIX в. совокупная численность этих сословий превышала 12 тысяч человек, более 7 тыс. из них были тептярями.

Помещичье землевладение было сосредоточено преимущественно на юге Удмуртии. По X ревизии (1858 г.) насчитывалось более 11 тыс. крепостных, кроме того, на 4 частных заводах Глазовского уезда числилось посессионных крестьян обоего пола 5,6 тыс. человек.

Крестьянское население Удмуртии в конце XVIII – первой половине XIX в. выросло численно, претерпел значительные изменения его этнический состав. Именно в этот период был пройден тот барьер, после которого удмурты превратились в меньшинство, а для многих русских крестьян проживание по соседству с иноязычным населением стало нормой. В контексте взаимоотношений с государством основополагающим являлось разделение на ряд различающихся по многим показателям социально-правовых групп. Права и обязанности той или иной крестьянской категории исторически формировались в связи с ролью, которую им уготовало государство.

Во втором параграфе раскрываются особенности административно-территориального деления в их динамике и прослеживается развитие органов государственного управления крестьянством. Хозяйственное управление государственными крестьянами до реформы П.Д. Киселева находилось в компетенции казенных палат, позже – палаты государственных имуществ (с 1839 г.). Последняя должна была заниматься организацией местного управления, поддержанием среди крестьян полицейского порядка, попечением о правах, хозяйстве и культурно-бытовых нуждах крестьян, наблюдением за отбыванием крестьянских повинностей, управлением казенными ненаселенными землями, оброчными статьями и лесными угодьями. Второй ярус в системе местной администрации представляло окружное управление. В 1797 г. была введена единица адми-

нистративного деления – волость. Указом 1833 г. вводилось промежуточное звено между волостью и селением – «сельское мирское общество». С началом реформы П.Д. Киселева это нововведение было закреплено. До этого времени, а в ряде уездов Вятской губернии еще и в ходе преобразования, для удобства в собирании налогов и контроля за выполнением различных повинностей волости делились на участки. Весь рассматриваемый период казенные волости укрупнялись. В 1859 г. было произведено разукрупнение волостей и разделение их на разряды в зависимости от численности в них крестьян, взамен окружных управлений была введена должность чиновников особых поручений.

Большие изменения претерпевало управление удельными крестьянами. В 1798 г. при казенных палатах были образованы экспедиции, одна из которых, Вятская, подчиняла себе удельных крестьян Вятской, Пермской и Оренбургской губерний. Аналогом казенной волости в удельной деревне был приказ. В 1808 г. экспедиции были заменены удельными конторами (имениями), в т.ч. Вятской. Именья были независимы от остальных губернских учреждений. В 1831 г. в Сарапуле было учреждено Мостовинское отделение, управлявшее шестью приказами Сарапульского и Елабужского уездов. В 1859 г. «удмуртские» приказы Вятского имения и 3 приказа Пермского имения были объединены и образовано Сарапульское имение.

Для непрременных работников можно отметить наличие двух отделений во главе со старшинами при каждом из казенных заводов. Разделение непрременных работников Ижевского завода на русское Забегаловское и удмуртское Завьяловское отделения (Воткинский завод – Гавриловское и Кулюшевское отделения) имело своей целью более совершенный и всеобъемлющий контроль за производимыми работами. Над лашманами установилось двойное управление. В вопросах трудовой повинности они были подчинены правлению низового комитета Адмиралтейства в Казани, а по всем прочим вопросам – органам местного управления. В середине XIX в. 3 тептярские команды (28 деревень), подчиненные военному ведомству, располагались в Елабужском уезде. В 1855 г. это служилое крестьянское сословие было присоединено к башкиро-мещерякскому войску и включено в состав неслужащих кантонов.

В третьем параграфе выявляются ключевые функции органов крестьянского самоуправления, их эволюция и положение в структуре власти. Складывание системы самоуправления удельной деревни и преобразования в государственной деревне являлись образцом друг для друга. В частности, численность населения волости, как и приказа, определялась в 3 тыс. ревизских душ. Отличным от удельного управления стало учреждение еще одного звена самоуправления государственных крестьян – сельских обществ. В общине государственных крестьян Удмуртии существовала иерархия территориальных общин: деревенская – сложная сельская, зачастую не совпадающая с официально признаваемой, – волостная. У других категорий второе звено зачастую выпадало. Органы крестьянского самоуправления являлись административными единицами с выборной властью, исполнявшей полицейские, хозяйственные, судебные и финансовые функции. Системы самоуправления лашманов, тептярей и непрременных работников были приспособлены к необходимости успешно выполнять возло-

женные на них натуральные повинности. Реформы государственной и удельной деревни стали удачной попыткой государства усилить свое влияние на крестьянскую общину. В 60-е гг. XIX в. основные положения этих реформ были распространены на всех крестьян. Вовлечение представителей общины в систему управления притупляло остроту недовольства, удешевляло аппарат принуждения и обеспечивало с его помощью выполнение крестьянами повинностей. Административные преобразования, в свою очередь, старались учитывать сложившиеся общинные структуры. Многие неформальные, не предусмотренные законодательством структуры крестьянского самоуправления не только успешно существовали, но и способствовали решению поставленных властью задач.

Вторая глава – «Фискально-попечительская и этно-конфессиональная политика государства, отношение к ней крестьянства». В первом параграфе анализируется совокупность крестьянских податей, сборов и повинностей. Податной вопрос в царской России занимал центральное место в области ведения государственного хозяйства. Виды платежей и натуральных поборов, их размеры зависели от категории, к которой принадлежал крестьянин. Главной для всех податных категорий населения была подушная подать. Вторую разновидность платежей государственных и удельных крестьян представлял денежный оброк. По реформе удельной деревни 1820–1830-х гг. оброк перевели с душ на землю, этим было достигнуто его увеличение. От уплаты денежного оброка были освобождены непременные работники, лашманы и тептяри. Важную часть поборов с крестьян составляли земские повинности, которые разделялись на денежные и натуральные. Денежные сборы являлись по существу второй подушной податью, а натуральные повинности составляли государственную отработочную ренту. На земские повинности перекладывались многочисленные общегосударственные расходы, которые в государственную роспись не включались. В 1840 г. в государственной деревне был введен общественный сбор, за счет которого осуществлялось финансирование попечительской политики. В удельной деревне эту же роль выполняли доходы с общественной запашки.

Особое значение имели мирские сборы. В отличие от остальных сумм, мирские деньги не сдавались в уездные казначейства и всецело зависели от местного произвола. Номинально они являлись или денежной заменой натуральных повинностей, или дополнительной оплатой за выполнение общественных обязанностей крестьянскими выборными. На мирские сборы перелагались расходы за ремонт местных дорог и мостов, содержание сельской и волостной администрации, удовлетворение запросов чиновничье-бюрократического аппарата, поставленного над крестьянской общиной. Как правило, эти сборы превышали подушную подать и имели постоянную тенденцию к дальнейшему возрастанию. Получить полное представление о размерах мирских сборов, по видимому, невозможно, некоторые из них крестьяне попросту скрывали.

Значительную часть «обязательств» крестьянства перед властью составляли натуральные повинности, основу которых составляли рекрутская, подводная, дорожная и квартирная повинности. Из них самой тяжелой была необходимость предоставлять рекрутов. Основными натуральными повинностями являлись для непременных работников, тептярей и лашманов.

Общая тенденция в развитии денежных поборов с крестьян всех категорий в конце XVIII – первой половине XIX в. характеризуется их увеличением и усилением регламентации и контроля со стороны власти. Важной частью контроля являлись сенаторские ревизии, командировки чиновников «по особым поручениям» столичного и губернского уровней, ведение контрольно-отчетной документации. Однако все виды контроля основной своей цели – обнаружения и пресечения нарушений – достигали далеко не всегда. Представители местной власти находили пути преодоления поставленных перед ними препон в деле ограбления крестьянства.

Во втором параграфе изучены проявления патерналистской (попечительской) политики государства по отношению к крестьянству. Наряду с сугубо фискальными целями она была вызвана попытками претворения в жизнь теории просвещенного абсолютизма. С другой стороны, традиции патернализма – это явный крен в сторону отживающих свой век крепостнических отношений, когда всевластный *pater familias* обязан заботиться о благе своих домочадцев-подданных. В свою очередь, от правящего императора крестьяне ждали защиты и покровительства взамен выплачиваемых податей и отработываемых повинностей. Наиболее полно политика патернализма проявлялась в государственной и удельной деревне.

Наибольшее внимание властные органы уделяли проблеме обеспеченности крестьян землей. Для преодоления земельного голода практиковались прирезки земли и переселения. Значительное место занимал продовольственный вопрос. Чиновникам на местах предписывалось наблюдать за крестьянскими посевами и урожаями и докладывать об их размерах, большое внимание уделялось состоянию хлебных магазинов. В ходе реформ Л.А. Перовского и П.Д. Киселева с 30 – 40-х гг. XIX в. стало обращать больше внимания на усовершенствование хозяйства удельных и государственных крестьян. Важную роль в удельном ведомстве имела общественная запашка, внедряемая с 1828 г. С ее помощью пытались внедрить в «повседневное» хозяйствование новые зерновые и технические культуры, орудия труда, усовершенствованные системы земледелия. Большую роль в проникновении новаций в сельское хозяйство играли так называемые образцовые усадьбы ведомства уделов и государственных имуществ, проводились губернские и региональные сельскохозяйственные выставки. Эпизодически происходили раздачи «образцовых» семян. Предпринимались попытки организации образцовых «пчельников» (пасек), учреждения при приходских училищах садов. В 1845-1864 гг. функционировала земская случная конюшня. Достижением можно считать внедрение картофеля в крестьянское хозяйство Удмуртии. На 1850 г. приходится появление в ведомстве палаты государственных имуществ агронома. В ряду патерналистских мер стоят и многочисленные циркуляры и руководства, исходившие от министерств внутренних дел, государственных имуществ, императорского двора и уделов, а также наставления и пожелания частных лиц по самым разным вопросам хозяйствования, охраны здоровья и т.д. Особое внимание уделялось развитию здравоохранения и образования, усовершенствованию управления крестьянами.

В третьем параграфе исследованы наиболее важные земельные преобразования и их значение для отдельных категорий крестьянства и правящих групп. В рассматриваемое время в большинстве случаев крестьяне выступали лишь держателями земли, собственником которой являлись казна, удел, помещик и т.д. Первая треть XIX в. прошла в Вятской губернии под знаком проводимого генерального межевания, приведения в известность границ земельных владений, их характера и использования, а также ограничения крестьянских держаний 15-десятиной нормой и решения проблемы спорных земель. Межеванием руководили специальный департамент Сената и подчиненная ему межевая канцелярия. Основная тяжесть полевых работ была возложена на межевые конторы, расположенные в губерниях. Последние ежегодно направляли в уезды землемерные команды. Черновые работы при проведении межеваний ложились на плечи крестьян. Они же должны были следить за сохранностью межевых признаков и выполнять под присмотром землемеров их восстановление. В целом из более чем 16 тысяч селений государственных крестьян Вятской губернии отдельно было обмежевано не более 423, многие «общие дачи» включали от 50 до 200, 300 и более сел, деревень и починок. В результате некоторые дачи даже оказывались в разных уездах. В 1836-1856 гг. на территории Удмуртии проводилось специальное (полубовное) межевание.

Основной тенденцией для Удмуртии первой половины XIX в. был постоянный рост ее населения, сопровождавшийся уменьшением наделов. Генеральное межевание усугубило ситуацию, жестко ограничив крестьянское землевладение и землепользование. Вместе с тем оно и следующие за ним все милостивейшие пожалования казенных (в том числе отрезанных от крестьянских наделов сверх 15-десятиной пропорции) земель в целом способствовало развитию частного землевладения. Однако факты купли-продажи земли в рассматриваемый период еще достаточно редки, купленная земля чаще всего входила в фонд общины и подлежала уравнительному распределению.

С конца 1840-х гг. в государственной деревне происходило наделение общин, у которых средний надел составлял менее 5 дес. на ревизскую душу, дополнительными участками из смежных казенных или удельных дач. К крестьянским участкам бесплатно прибавлялась земля до уровня в 8 дес. на душу, при готовности заплатить 9 коп. серебром за десятину так называемой добавочной подати наделы могли быть доведены до 15-десятиной нормы.

Следует отметить, что наиболее удачной оказалась фискальная сторона земельных преобразований, обогащавших государство. Немалые доходы официально и посредством коррупции извлекли также некоторые представители административно-управленческого аппарата и лица, тесно с ними связанные. Результатами во многом искусственно созданного земельного голода стали кризис трехполья и увеличение роли общины за счет усиления ее вмешательства в самый важный для крестьян вопрос – земельные отношения. Наряду с этим не вызывают сомнения глобальность и необходимость проведенных реформ в земельной сфере, а также довольно частые проявления действительной заботы органов власти о подведомственных им крестьянах.

В четвертом параграфе проанализирована этно-конфессиональная политика власти по отношению к нерусскому крестьянству. Правительственная политика по отношению к народам Приуралья и Поволжья была толерантной. Это объяснялось тем, что они уже были интегрированы в сословную систему России. Отношение короны к нерусским народам как к объекту воздействия определялось степенью их «полезности» для казны и политической лояльностью. Вместе с тем, массовое крещение, проведенное в XVIII в. преимущественно насильственными мерами, нарушило этно-конфессиональную структуру региона, но не привело к ее православному единообразию.

Наиболее отчетливо национальная политика Российского государства проявлялась в рассматриваемый период в его отношении к религии своих подданных. Русификация народов, их «разбавление» путем поощрения переселений русских крестьян являлись неотъемлемыми целями российской имперской политики. Столпами же русификации были распространение русского языка и, прежде всего, христианизация. При утверждении нерусских народов в православии упор делался на убеждении и образовании. Активизация такой политики происходит после 1828 г.: усиливается надзор за приходским духовенством, восстанавливается миссионерская деятельность (1830 г.), резко увеличивается численность приходов в районах проживания самого многочисленного из нерусских народов края – удмуртов.

Тесным образом с конфессиональной политикой по отношению к удмуртам был связан вопрос о кумышке – алкогольном напитке, сопровождавшем их языческие обряды и другие традиционные празднества. В период 1749-1751 гг. производство кумышки было запрещено. В 1802 г. Александр I дал удмуртам Вятской губернии право выкуривать кумышку «только для домашнего обихода». В 1818 г. последовал очередной запрет на производство, домашнего вина, в 1827 г. «в уважение к привязанности к сему напитку» он был снят. В 1845 г. в Глазовском, Сарапульском и Елабужском уездах была введена должность корчемного заседателя при уездном суде «для прекращения усилившегося корчемства». В Малмыжском уезде такая должность была введена в 1847 г. Отменить кумышковарение у формально крещеных удмуртов власть не смогла.

В пятом параграфе выявлены и систематизированы факты проявления крестьянского недовольства, определены их основные причины и последствия. В конце XVIII – первой половине XIX в. происходили важные изменения в жизни крестьян. Многие из них были спровоцированы государством. Далекое не все воспринималось однозначно положительно. Наоборот, любые преобразования влекут в обыденном сознании опасения ухудшения как итога реформ. К наиболее крупным крестьянским выступлениям рассматриваемого периода принадлежат волнения крестьян-удмуртов по поводу их перевода в разряд непрременных работников Ижевского оружейного завода (1807-1808 гг.), выступления удельных крестьян, недовольных одиозными мероприятиями в рамках реформы Л.А. Перовского (1828, 1831 гг.) и «картофельные бунты» удельных и государственных крестьян (1834 и 1842 гг. соответственно).

Крестьянские выступления были усмиримы в основном без применения излишне жестких мер. С другой стороны, конфликт с властью, постоянно

тлевший в крестьянской среде, выражался в большей степени в мягких формах. Одной из наиболее распространенных форм борьбы крестьян за свои права была подача жалоб и прошений. Другой формой проявления пассивного недовольства были действия, нарушающие те или иные законодательные установки. Сюда можно причислить самовольные переселения, порубки и расчистку леса (для получения лесного материала и для освобождения места под пашню или мельницу), перепашка межи, уничтожение межевых признаков. Тактикой «мелкого фола» можно считать попытки избежать рекрутчину (бегство, раздробление семейств и даже членовредительство), незаконную торговлю солью, табаком, спиртными напитками, самогонование, жжение извести, «непредставление» понятых для производства различного рода расследований, несущих какую-либо угрозу, по тем или иным выдуманым причинам и т.д. Имели место и открытые «бунты» отдельных крестьянских семей. Эти действия можно считать проявлением крестьянского консерватизма (сопротивление нововведениям, пусть даже не таким уж и недавним, к тому же ограничивающим крестьянскую свободу) и стремления выжить и в без того нелегких обстоятельствах существования в неблагоприятных климатических условиях. Крестьяне начинают поддерживать то или иное недовольство лишь в случае своей кровной заинтересованности в его успехе, то есть отмене пагубного для них постановления власти. Даже открытые волнения носят в рассматриваемый период узколокальный характер, зачастую даже не выходят за рамки отдельного «мира» – общины.

Заключение. В заключении подведены итоги диссертационного исследования и сформулированы общие выводы. Преобразования крестьянства России 1860-х гг. имели свои корни в предшествовавшей аграрной политике. Наиболее крупными, но далеко не единственными реорганизациями конца XVIII – первой половины XIX в. можно считать реформы Павла I, Л.А. Перовского и П.Д. Киселева. Сельское население Удмуртии принадлежало к государственным, удельным и крепостным крестьянам, а также непрямым работникам, тептярям и лашманам. В результате реформаторской деятельности власти все эти категории претерпевали значительные изменения, которые уравнивали их социально-правовой статус еще накануне преобразований Александра II.

Основными административно-территориальными единицами рассматриваемого периода для государственных крестьян являлись волости, участки (до 1830-х гг.) и сельские общества (с 1830-х гг.), для удельных крестьян – приказы, остальные категории не имели особых структур. Преобразования в этой сфере были направлены на унификацию и централизацию.

Россия являлась самодержавной монархией. Однако ее опорой в крестьянском «море» была демократичная, в значительной степени автономная община. Государство старалось приспособить крестьянское самоуправление под свои нужды, полностью превратить его в низшую административную ячейку. На территории Удмуртии в наибольшей степени этого удалось достичь в удельной деревне и среди непрямых работников, в наименьшей – среди тептярей.

Самой важной функцией крестьянства по отношению к государству была обязанность платить налоги. Постоянный рост платежей и повинностей объективно был вызван не повышением платежеспособности крестьянского хозяйст-

ва, а потребностями государства. Денежные подати, натуральные повинности, а также нефиксированные поборы были многочисленны, разнообразны, их объемы увеличивались, но крестьяне Удмуртии в целом с ними справлялись. При этом нельзя говорить о перманентной возможности усиления податного бремени. Недоимки существовали, хоть и не столь в значительных масштабах по сравнению с другими регионами страны, и многие крестьянские общества полностью никогда не могли их погасить. Вал недоимок возрастал во время крупных войн.

В конце XVIII – первой половине XIX в. государство возложило на свои плечи многочисленные функции патерналистского характера. Заметное усиление и большее разнообразие попечительских мер наблюдается после преобразований П.Д. Киселева и Л.А. Перовского в государственной и удельной деревне. Практические мероприятия в рамках политики патернализма проводились за счет самих крестьян. Многие меры государственного патернализма давали незначительные результаты. Крестьянская агротехника и агроприемы, состояние здоровья и смертность, грамотность и в целом жизнь деревни в массе оставались такими же, как и в предыдущие столетия. Свою роль в этом сыграли как искусственно навязываемые, не всегда оправданные мероприятия власти, так и боязнь крестьян ради призрачного будущего процветания потерять то немногое, что сегодня обеспечивало их существование.

Всю первую половину XIX в. для удмуртских крестьян можно считать эпохой глобальных преобразований в земельной сфере, которые изменили картину крестьянского землепользования и землевладения. Генеральное и специальные межевания стремились точно определить размеры и характер земельных владений, решить проблему спорных земель, устранить чересполосицу и т.д. Результаты не были впечатляющими, ряд общин лишился необходимых угодий. Отрезки «излишней» земли сверх 15-дес. на ревизскую душу привели к кризису крестьянской агрикультуры и, в конечном итоге, к падению урожайности. Тем не менее, преобразования способствовали наведению порядка и дальнейшему развитию земельных отношений. Результатом аграрных реформ стало также внедрение в удмуртской деревне поземельной общины.

В рассматриваемый период политика Российского государства по отношению к народам Удмуртии не была последовательной. Там, где это было возможно, власть стремилась не отличать нерусские народы от русского: крестьяне Удмуртии, независимо от своей национальной принадлежности, платили одинаковые налоги, управлялись одними и теми же административными органами. Но в конфессиональной политике государство поддерживало лишь православие и стремилось усилить его позиции методами просвещения и миссионерской деятельности. Губернские и уездные власти, более того, зачастую могли даже проявлять рецидивы насильственной христианизации, которые, впрочем, не поощрялись центром. Под христианизацией понимались не только усвоение и принятие догматов главенствующей церкви, но и русификация.

В целом можно отметить, что в своей основе история крестьянства и власти в Удмуртии в конце XVIII – первой половине XIX в. – это история мирного взаимовыгодного сотрудничества. Крестьянство принимало существующий по-

рядок вещей, было готово содержать государство и его институты. Тем не менее, оно чутко реагировало на все проявления хозяйственной и социальной дискриминации, в основном видя ее источник в конкретном представителе власти. Основными видами борьбы выступали подача прошений в вышестоящие органы власти и тихий саботаж непопулярных постановлений. Открытое проявление недовольства возникало в тех нечастых случаях, когда крестьяне усматривали в некоторых одиозных мероприятиях правительства угрозу своему существованию, возможность ухудшения своего социального статуса. Таковыми стали перевод в 1807 г. крестьян-удмуртов в разряд непременных работников Ижевского оружейного завода, реформы фискального и попечительского характера в удельной и государственной деревне в конце 20-х – начале 40-х гг. XIX в. В силу локальности мировосприятия, выступления редко выходили за рамки общины, еще хуже поддерживали друг друга сельские жители, принадлежавшие к различным категориям.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Пислегин Н.В. Административные преобразования крестьянства Удмуртии в первой половине XIX в. // Историко-культурное развитие народов Среднего Поволжья: традиции и инновации: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. (30 марта – 1 апреля 2004 г.). Саранск, 2004. С.181-184.
2. Пислегин Н.В. Власть и нерусское крестьянство Удмуртии в первой половине XIX века. // Петряевские чтения, 2005: Материалы науч. конф. Киров, 24-25 февр. 2005 г. Киров, 2005. С.142-151.
3. Пислегин Н.В. Историография крестьянства Удмуртии первой половины XIX в. // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Материалы VII науч. конф. Ижевск, 19 апреля 2002 г. Ижевск, 2002. С.65-66.
4. Пислегин Н.В. Крестьянские волнения в Удмуртии эпохи преобразований 20-40-х гг. XIX века. // Наука – производство – технологии – экология: Сб. материалов всерос. ежегод. науч.-тех. конф. В 6 томах. Киров, 2005. Т.4 (Г.Ф.). С.31-35.
5. Пислегин Н.В. «Обыденный» патернализм в государственной и удельной деревне Удмуртии в первой половине XIX в. // Крестьянство и власть Среднего Поволжья: Материалы VII межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Саранск, 2004. С.126-132.
6. Пислегин Н.В. Проявления крестьянского недовольства в первой половине XIX в. (по материалам Глазовского и Сарапульского уездных судов Вятской губернии). // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: История и современность: Материалы регион. научно-практ. конф. Глазов, 2002. С.24-26.
7. Пислегин Н.В. Служение С.Ф. Тучемского. // Вятка: народное образование и благотворительность. К 125-летию открытия Вятского городского четырехклассного училища (1879-1913): Материалы регион. науч. конф. Киров, 2004. С.60-61.